

Olga Demidowa

Алексей Ремизов в воспоминаниях Августы Даманской

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 203-211

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Olga Demidowa

Rosyjski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny
Sankt-Petersburg, Rosja

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ АВГУСТЫ ДАМАНСКОЙ

Ключевые слова: *эмиграция, воспоминания (мемуары), образ, память, факт, культура, культурная, временная и событийная хронология, контаминация, адаптация*

Августа Филипповна Даманская (псевд. Арсений Мерич, А. Филиппов и др.¹; 1875-1959) вошла в литературный мир Петербурга в нач. 1900-х гг. как прозаик, переводчица², журналистка, литературный критик. Ее проза, критические статьи, путевые заметки публиковались во многих столичных и провинциальных периодических изданиях; до эмиграции вышли в свет три ее прозаических сборника: *Рассказы* (Москва 1908), *Где-то там* (Петроград 1918) и *Стеклянная стена* (Петроград 1918). После октябрьского переворота жила в доме писателей на Карповке; сотрудничала с основанным М. Горьким издательством «Всемирная литература». Летом 1920 г. получила от Педагогического института командировку в Псков для чтения лекций по истории литературы деревенским учителям; из Пскова, переодевшись деревенской бабой, пешком перешла эстонскую границу и после недолгого периода пребывания в Ревеле переехала в Берлин, а затем, в 1923 г., – в Париж. Была сотрудницей парижских „Последних новостей”, рижских „Перезвонов” и „Сегодня”, берлинского „Руля”, пражской „Воли России”, нью-йоркского „Нового русского слова” и др. эмигрантских периодических изданий. В эмиграции вышли в свет книги: *Стеклянная стена* (Берлин 1921; 2-е изд.), *Вода не идет* (Берлин 1922), *Вихоревы гнезда* (Берлин 1923), *Жены* (Париж 1929), *Радость тихая* (Париж 1929), *Миранда* (Нью-Йорк 1953). В годы немецкой оккупации жила в т.наз. свободной зоне на юге Франции, писала репортажи для нью-йоркского „Нового русского слова”. Со второй половины 1950-х г. до конца жизни жила в старческом доме Кормей-ан-Паризи³, где

¹ И.Ф. Масанов, *Словарь псевдонимов*. Т. 4, Москва 1960, с. 156.

² Даманская переводила с пяти языков: французского, английского, немецкого, итальянского, польского; в ее переводах вышли произведения Р. Роллана, Г. Уэллса, П. Адана, О. Мирбо, А. Беннета, Г. Гауптмана, Б. Келлермана, А. Шницлера и мн. др. европейских авторов; общий объем переводческой продукции Даманской – пятьдесят четыре тома.

³ Подробную биографию Даманской см. в: А. Даманская, *На экране моей памяти* (ч. 1). Вступит. ст., публ. и коммент. О.Р. Демидовой, [в]: *Лица: Биографический альманах*. Вып. 7, Мо-

были написаны мемуары «*На экране моей памяти*», ставшие последней литературной работой и своего рода завещанием.

Работу над ним Даманская начала, вероятно, в конце 1955 – начале 1956 г. специально для незадолго до этого образованного Архива русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете и рассматривала ее как нечто вроде временной службы, о чем свидетельствует письмо к ней М. Алданова от 3 марта 1956 г.: «Хорошо, что Вы нашли хоть временную работу в Колумбийском архиве». Основной корпус текста был завершён к июню 1957 г. – хранящаяся в архиве авторизованная машинопись датирована 1 июня. Судя по служебным записям поступлений, некоторые фрагменты были присланы в архив после основного текста, а часть их была передана туда после смерти мемуаристки в 1959 г.

Метафора «экран памяти» отчасти, возможно, была подсказана М. Осоргиным, писавшим ей 30 ноября 1941 г. о событиях, проходящих перед «экраном ума», отчасти заимствована у В. Оболенского, опубликовавшего в конце 1920-х гг. под таким названием в „Последних новостях” свои воспоминания о братьях Жемчужниковых⁴. Главным же образом название, несомненно, восходит к *Поезду на третьем пути* Дон-Аминадо, впервые изданному в 1954 г. нью-йоркским издательством им. Чехова, ср.: «..на освещенном экране человеческой памяти встают дни, месяцы, годы, события, числа, даты, бывшее, минувшее, бывшее и давно прошедшее». И текст Даманской словно создан по этой формуле, представляя собой поток воспоминаний о событиях, которых она была свидетелем или участником, и людях, встречавшихся ей на протяжении ее долгой жизни. И те, и другие были весьма многочисленны, поэтому текст насыщен названиями, датами, именами. Мемуаристка далеко не всегда следует «правде факта», однако заданный названием ракурс как будто и не предполагает этого: «экранность» воспоминаний позволяет делать основной акцент не на фактологической, а скорее на импрессионистической их составляющей. И немногочисленные упоминания Ремизова в мемуаре – весьма наглядное тому подтверждение.

С точки зрения культурной хронологии текст очевидным образом разделяется на три основные части: российскую (от рубежа веков до 1920 г.), берлинскую (1920-1923 гг.) и парижскую (1923 г. – конец 1950-х гг.). Российская часть, в свою очередь, может быть разделена на периоды до и после 1917 г.; соединяет российскую и эмигрантские части фрагмент *Без романтики*, в котором рассказана история ухода мемуаристки из России летом 1920 г.

В дореволюционной части о Ремизове речь не идет, и это закономерно: они принадлежали к единому литературному сообществу в целом, но при этом к совершенно разным его кругам и встречались, вероятно, лишь на уровне сугубо официальном. Кроме того, Даманская много жила за пределами России, поставляя петербургским и московским газетам корреспонденции из-за рубежа; в Россию она вернулась лишь после начала Первой мировой войны.

сква-Санкт-Петербург 1996, с. 112-119; О. Демидова, *Августа Даманская: годы эмиграции*, [в]: *Русские евреи во Франции*: В 2 кн., Иерусалим 2001-2002. Кн. 2, с. 56-74; *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940*: В 4 т., т. 1, Москва 1997, с. 152-153 (ст. В.Н. Чувакова).

⁴ „Последние новости”, Париж, 1927, 23 августа, № 2344.

Впервые Ремизов упоминается во фрагменте *Литературный Петербург – 1917-1920 гг.* в ряду других литераторов, поставленных новой властью в жесточайшие условия и тем самым словно объединенных и уравненных «пространством выживания»: «Всех объединил, все заслонил вставший перед всеми зверино-жуткий вопрос: как прокормиться. Как уберечь себя от холода? Ф.К. Сологуба из светлой, располагавшей к работе квартиры перевели в маленькую, сырую, где лишь в одной комнате удавалось ему доводить температуру до шести-семи градусов. В таких же условиях жили Ремизовы, А. Вольнский, Кузмин, Шишковы, Замятин и др.»⁵. Пассаж вполне соответствует по «фактуре» и бытовым деталям многочисленным дневниковым и мемуарным текстам литераторов, посвященным первым пореволюционным годам, в том числе – и записям в дневнике Ремизова 1917-1920 гг.⁶. Однако мемуаристка не учитывает одного обстоятельства, о котором она не могла знать, не принадлежа к кругу Ремизова. Несмотря на фаталистическое восприятие жизненных тягот, Ремизов пытался противостоять им шуткой, превращая бытовые трудности в анекдот, о чем свидетельствуют его дневниковые записи и воспоминания современников, знавших Ремизова близко. «Зимой в 1919 году жил Ремизов в Петербурге, а водопровод в его доме взял да и лопнул. Всякий человек растерялся бы. Но Ремизов собрал у всех знакомых бутылки, маленькие аптекарские, винные и всякие другие, какие попались. Построил он их ротой в комнате на ковре, потом брал по две и бежал по лестнице вниз за водой. При таком способе воду нужно носить для каждого дня неделю. Очень неудобно, но – забавно!»⁷. Сам Ремизов называл подобное отношение к бытию «веселостью духа», без которой человек – «чурка (сухарь, брюзга)»⁸.

В этой же тональности описан Ремизовым собственный арест в ночь с 13 на 14 февраля 1919 г. Ремизов был арестован вместе с Е. Замятиным, К. Петровым-

⁵ А. Даманская, *На экране моей памяти...*; С.И. Таубе-Аничкова, *Вечера поэтов в годы бедствий (Из моих литературных, редакторских и иных воспоминаний)*. Публ., подготовка текстов, вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой, Санкт-Петербург 2006, с. 147 (далее ссылки приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в тексте).

⁶ См. напр. записи 1919-1921 гг.: «На жалованье жить невозможно. Надо еще что-то. А печатать не будут. Как же жить-то. Вывезет или пропад?» (17 июля 1919 г.); «Думал: подам прошение СНК расстрелять меня как запаршивевшую собаку – все равно, ни ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел – один раз в неделю пообедать [...]. И получается одна свинская нищенская жизнь» (21 октября 1919 г.); «В Петрокомму, все за той же бутылкой молока. И это еще вовсе не означает, что вот я пришел и получил, нет, я еще должен, как водится, подождать и вочередиться. Без этого никакая добыча не дается и ничего получить нельзя. [...] Иногда мне кажется, что [больше] уж не выдержу – я, ведь, совсем обескровленный, и если держусь на ногах, когда весь валюшь, то только упорным духом своим» (1 октября 1920 г.); «Вопию нашим зеркальным стеклам: погибаю от холода!» (5 октября 1920 г.); «Дома стену прорубают – труда лопнула центр[ального] отопления. Разворотили и ушли. [...] Холод ужасный. Что еще надеть? Не хочется пальто, а придется» (6 октября 1920 г.); «Лег в отчаянии, дрожа и безмысленно» (7 октября 1920 г.) и мн. др. в: А. Ремизов, *Дневник 1917-1921*. Подготовка текста А.М. Грачевой, Е.Д. Резникова. Вступит. заметка и коммент. А.М. Грачевой, [в]: *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 16, Москва-Санкт-Петербург 1994, с. 486, 487, 493-496.

⁷ В.Б. Шкловский, *Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени с конца XIX в. по 1962*, Москва 1964, с. 140.

⁸ Н.В. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Париж 1959, с. 95.

Водкиным, А. Блоком, А. Штейнбергом и др. по делу о ликвидации мятежа левых эсеров (аресту подверглись все, кто упоминался в записной книжке Иванова-Разумника, активного сотрудника ряда эсеровских изданий⁹; Ремизова освободили после допроса 15 февраля). История ареста воссоздана во *Взвихренной Руси* (опубл. в 1927 г.) и в написанном несколько десятилетий спустя *Петербуржском буераке*. Во *Взвихренной Руси* ей посвящена глава под откровенно пародийно-ироническим названием «Лошадь из пчелы – хождение по Гороховым мукам б. канцеляриста и трех кавалеров обезвелволпала», начинающаяся «Донесением старейшему князю обезьяньему Павлу Елисеевичу Щеголеву»¹⁰. В «Донесении» сообщается, что в Обезвелволпале «произведен был обыск», в ходе которого «Б. канцелярист» Ремизов более всего опасался, как бы чекисты не приняли обезьяньи грамоты, написанные на глаголице, за тайные документы заговорщиков. В *Петербуржском буераке* эта коллизия воссоздана следующим образом: «Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке. Обезьянье делопроизводство велось не на кириллице, всем понятной, [...] а на “глаголице”, о которой редко кто слышал. При обыске обратили внимание на фигурки – ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки – глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой азбуки»¹¹. В воспоминаниях Даманской арест не упомянут, хотя не зная о нем она не могла: вместе с Ремизовым подверглись аресту Блок и Замятин, который был в те годы одним из близких ей людей и в чьей судьбе она принимала участие.

Следующие три упоминания о Ремизове относятся к берлинскому периоду, при этом во всех трех (и между ними) существенно нарушается событийная хронология. Первым является двухстраничный фрагмент, самый пространственный из посвященных Ремизову, в котором идет речь об известном эпизоде, связанном с обращением писателя за помощью к Томасу Манну, которое было вызвано конфликтом с квартирными хозяевами; конфликт, в свою очередь, был проявлением ухудшевшегося отношения к русским эмигрантам после убийства В. Набокова летом 1922 г., ср.: «Когда к Алексею Михайловичу Ремизову стали придираться его квартирные хозяева якобы за разбитую тарелку, а в действительности просто желавшие избавиться от такого ненадежного жильца, какой может вдруг взять да выстрелить в своего соотечественника, Ремизов, не колеблясь, обратился к Томасу Манну. (Конфликт с квартирными хозяевами не замедлил разрастись в кон-

⁹ Подробнее см. в: Е.В. Иванова, *Об аресте Александра Блока в 1919 году*, „Филологические науки” 1992, № 4, с. 108-112; Иванов-Разумник, *Тюрьмы и ссылки*, [в]: Иванов-Разумник, *Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки*. Вступ. статья, сост. В.Г. Белоуса, Москва 2000, с. 123-130.

¹⁰ Щеголев Павел Елисеевич (1877-1931) – историк литературы и русского революционного движения; об участии Щеголева в Обезвелволпале см. в: Е.Р. Обатнина, *Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*, Санкт-Петербург 2001, с. 22-30, 366.

¹¹ А.М. Ремизов, *Петербуржский буерак*, [в]: А.М. Ремизов, *Собр. соч.: В 10 т.*, т. 10, Москва 2002, с. 256.

фликт с берлинской полицией, усомнившейся в праве “этого русского” пребывать на территории Берлина). И Томас Манн не замедлил откликнуться, сделать все, что надо было сделать, чтобы Ремизова оставили в покое» (с. 177-178). Далее приводится полный текст письма Томаса Манна Ремизову (рукописная копия письма по-немецки и его перевод хранятся в архиве в собрании Даманской; оба документа написаны ее рукой). Затем следует пассаж о невозможности перевести тексты Ремизова на иностранные языки: «Ремизова уже в самые последние годы стали переводить во Франции, и даже хорошо переводят теперь, но французы его, конечно, не понимают и – одни из снобизма, другие из расположения к нему лично – читают и хвалят. Ни стиль, ни строй литературной речи Ремизова совершенно не укладываются в рамки другой, не русской речи» (с. 179). Мемуаристка допускает очевидный анахронизм: Ремизова начали переводить на французский язык не в 1950-х, а в начале 1920-х гг.; вероятно, одной из первых французских публикаций следует считать *L'office du Diable*, появившийся в „Revue de Geneve” в ноябрьском номере 1922 г. Впоследствии его переводили довольно много и рецензии на переводы появлялись как во французской, так и в русской эмигрантской периодике¹².

Следующее упоминание Ремизова в берлинской части воспоминаний касается высылки 1922 года из советской России – Ремизов упомянут среди высланных, ср.: «В октябре выехала из России самая многочисленная группа “не желательных России людей” – в составе 250 человек. Были среди них Бердяев, Лосский, Осоргин, Ходасевич с Ниной Берберовой, Ремизов, Кизеветтер, проф. Айхенвальд и многие другие» (с. 180). Ни Ходасевич с Берберовой, ни Ремизов из России высланы не были. Ходасевич уехал из Петрограда 22 июня 1922 г. легально, получив при помощи Ю. Балтрушайтиса и А. Луначарского загранкомандировку «для поправления здоровья» себе и своему секретарю Н. Берберовой; в Берлине они были 30 июня. Ремизов с женой выехали из Петрограда в день смерти А. Блока, 7 августа 1921 г., и после недолгого периода жизни в Ревеле¹³ осенью того же года прибыли в Берлин.

Мысли о выезде из России появились у Ремизова зимой 1919-1920 гг.: 14 января 1920 г. он впервые при посредничестве М. Горького обращается в СНК за разрешением на выезд, мотивируя просьбу резко ухудшившимся состоянием здоровья своего и жены. Через три месяца он пишет своему старому знакомому В. Карпинскому, члену ВЦИК, с просьбой «поговорить с кем надо» и «сделать что-нибудь», чтобы добиться для себя и для жены разрешения на выезд в Финляндию «хоть на теплые летние месяцы». В марте 1921 г. он вновь пытается по-

¹² Ср. мнение М. Осоргина о трудности текстов Ремизова для перевода: «Из русских авторов Ремизов наиболее трудно переводим, что не мешает ему часто появляться на иностранных языках. Как известно, большим успехом пользуются и его оригинальные рисунки» в: *А. Ремизов по-французски*, „Последние новости”, Париж 1936, № 5467 (подп.: Мих. Ос.); о восприятии Ремизова французскими литераторами см. в: А.М. Грачева, *Французский сюрреализм и произведения «большой формы» Алексея Ремизова*, [в]: *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920-1940*, Москва 2007, с. 90-99; Е.Р. Обатнина, «Магнитные поля»: *А.М. Ремизов и французский сюрреализм*, [в]: там же, с. 263-275.

¹³ О Ревельском периоде жизни Ремизова см. в: С. Доценко, *А.М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции*, [в]: *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*. Т. 2, Таллин б.г., с. 171-194.

лучить разрешение на выезд за границу для лечения и, наконец, в июне при помощи Горького и Луначарского ему удастся получить от Наркомпроса разрешение «временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел»¹⁴.

После отъезда Ремизовых в Петрограде распространились слухи о его «бегстве» за границу; вероятно, они восходили к опубликованной в „Красной газете” 10 сентября 1921 г. статье, подписанной криптонимом «В.-Кн.», ср.: «За границу удрала группа писателей. Между прочим, и г. Ремизов»¹⁵. О «побеге Ремизова» писал в дневнике К. Федин, в воспоминаниях о Ремизове – В. Смиренский и Ю. Анненков¹⁶. Однако Даманская, ушедшая из России летом 1920 г., об обстоятельствах выезда Ремизовых и о распространенных властью слухах об их «бегстве» могла и не знать.

Последнее берлинское упоминание о Ремизове в мемуаре Даманской касается массового разезда из русского Берлина. «Уехали в Париж Зайцев, Ремизовы; Осоргины – в давно им близкую, почти родную Италию; уехали в Париж Алданов с молодой женой [...] Рвалась в Париж [...] и я» (с. 186-187).

Этот пассаж – весьма показательный пример контаминированной хронологии. Даманская уехала из Берлина 21 сентября 1923 г. и прибыла в Париж 23 сентября. Ремизов жил в Париже с ноября того же года. Алданов – с апреля 1919 до весны 1922, после чего уехал в Берлин и вернулся в Париж лишь весной 1924 г. Зайцев в начале сентября 1923 г. по приглашению Этторе Ло Гатто в составе группы российских литераторов и философов приехал в Рим для чтения лекций в Институте Восточной Европы. Правда, он действительно с лета 1923 г. хлопотал о французской визе, но в Париж Зайцевы прибыли лишь 14 января 1924 г. То есть, мемуаристка меняет события на хронологической оси: уехав из Берлина первой из всех перечисленных, она представляет свой отъезд как в известной мере результат их отъезда, после которого русский Берлин для нее «опустел».

В парижской части мемуара Ремизов упомянут дважды. Первый раз – в странном пассаже-размышлении о том, что мешало сближению русских писателей эмигрантов и их французских собратьев по перу. По мнению мемуаристки, среди прочего причиной было и то, что русские писатели «плохо, а то и совсем не говорили по-французски и внешне – одеждой, повадками, неуверенностью и наигранной неловкой развязностью – резко отличались от ладно-одетых, сдержанно-любезных, по привычке учтивых и осторожно-надменных французских коллег. Что мог “гордый взор иноплеменный” разглядеть в таком вахлаке, как

¹⁴ Подробнее историю выезда Ремизовых из России см. в: А. Ремизов, *Дневник 1917-1921...*, с. 413-415.

¹⁵ Цит. по: А. Ремизов, *Взвихренная Русь*, Москва 1991, с. 21.

¹⁶ *Художник и общество (Неопубликованные дневники К. Федина 20-30-х годов)*. Публ. Н. Фединой, Н. Сломовой в: „Русская литература” 1992, № 4, с. 162 (см. примечание к записи от 2 января 1921 г.: «почти дословный разговор с ним передавал мне М. Зощенко уже после “побега” Р. за границу»); «И революцию он не принял. Несмотря на то, что наша страна относилась к нему бережно и любовно [...]. Ремизов прожил несколько лет в Петрограде внутренним эмигрантом и при первом подвернувшемся ему случае бежал за границу» в: В.В. Смиренский, *А. Ремизов. Воспоминания*, Б.г. в: ОР РНБ. Ф. 1049, ед. хр. 3, л. 7; «Ремизовы покинули убитую Россию, перебравшись сначала в Берлин, до 1923-го года, потом – в Париж, навсегда. Кто мог смыться – смывался» в: Ю. Анненков, *Дневник моих встреч. Цикл трагедий*. В 2 т., Ленинград 1991, т. 1, с. 225.

Шмелев, в согбенном, близоруком, покашливающем, чудаковатом нарочитой чудаковатостью, скрывающей неугасимое горение духа – в этом “колдуне” А.М. Ремизове?» (с. 241, 242). Кроме того, что пассаж явно перекликается с первым из берлинских и типологически – с многочисленными другими мемуарными описаниями Ремизова, фигура писателя, как представляется, в данном случае есть очень подходящая иллюстрация основного тезиса мемуаристки о невозможности сближения русских и французских авторов и антитеза очень тесных отношений последних с авторами немецкими и испанскими, тоже эмигрантами, хлынувшими в Париж после известных событий¹⁷.

Второй парижский – и последний, связанный с Ремизовым, – эпизод касается событий весны 1945 г. – т.наз. визитов к советскому послу. «По приглашению Богомолова, выразившего желание встретиться с русскими писателями, поехали к нему в стародавнее великолепное помещение Русского Посольства на улице Гренель первым – И.А. Бунин, вторым – А.М. Ремизов. Бунин Богомолова очаровал, и Бунин оказанным ему приемом остался доволен. Ремизов своим странным облачением и своими чудачествами Богомолова и всех его сослуживцев удивил и развлек. Подлинный Ремизов почему-то не открылся. И о подробностях этого своего визита Ремизов не вспоминал и не вспоминает» (с. 323-324). О том, что Ремизов взял советский паспорт, мемуаристка не пишет, как не пишет и об исключении его из Союза русских писателей и журналистов, хотя довольно подробно пишет о послевоенном расколе в эмиграции и в Союзе, вызванном усилившимися просоветскими настроениями среди значительной части писателей.

С одной стороны, подобные отступления от «правды факта» весьма характерны для мемуаристики в целом. С другой – дело не только в типичных для мемуарной прозы ошибках памяти, тем более что Даманская не полагалась исключительно на память, корректируя воспоминания сохранившимися материалами периодики, чему в тексте немало свидетельств. Дело, как представляется, прежде всего в том, что наиболее точно и детально изложены события, непосредственной свидетельницей и/или участницей которых мемуаристка была. О том, чего она не видела и в чем не участвовала, она писала, полагаясь на свидетельства других людей, тоже далеко не всегда очевидцев и участников. Этим обстоятельством, в частности, объясняется эпизод с высылкой. Покинув Россию летом 1920 г., Даманская не могла быть свидетелем высылки из Петрограда и Москвы 1922-го.

¹⁷ «Интерес к русским писателям, который никогда не был очень высок, перенесен был скоро на нахлынувших из Германии писателей. Им было оказано много, много внимания [...]. У германских, австрийских писателей, носителей известных имен, не могло быть тех материальных забот, какие выпали на долю и какие мешали работать и унижали русских эмигрантских писателей. У них [...] оказался в “изгнании” солидный резерв в лице крупных голландских издательств [...] и двух-трех выходивших в Голландии немецких журналов. Если эти писатели и лишены были самой многочисленной родной аудитории, то все же положение их было неизмеримо лучше, чем положение русских писателей. [...] А там – понаехали во Францию испанцы. У каждого из испанских писателей, не принявших политического курса Франко, было уже в тридцатых годах больше читателей во Франции, чем у всех эмигрантских русских писателей вместе взятых. После английских писателей, давно имеющих во Франции большой круг читателей, наиболее популярные – это писатели испанские. Испанские писатели были в Париже “как дома”. В любом французском издательстве, в любом французском периодическом издании, по духу им близком» (с. 242, 243).

Кроме того, ее не было в Берлине, когда высланные туда прибыли, как и до эмиграции, она много ездила по Европе, снабжая русские периодические издания многочисленными путевыми заметками. Приступив к работе над воспоминаниями, она обратилась к Алданову с просьбой рассказать ей о «философском пароходе» и назвать имена его пассажиров. Алданов ответил ей подробным письмом – и Даманская почти дословно повторила его ответ в своем тексте¹⁸.

Второй причиной многочисленных неточностей, встречающихся в посвященных Ремизову фрагментах, следует признать то обстоятельство, что Ремизов не был близким Даманской человеком – ни в эстетическом, ни в собственно бытийном смысле. Одним из очевидных подтверждений является отсутствие описаний – за исключением петроградского фрагмента – бытовой стороны жизни Ремизова, без рассказов о которой не обходится практически ни один посвященный ему мемуарный текст. Однако и в петроградском фрагменте речь идет не о быте Ремизова как таковом, а о типичном писательском быте пореволюционных лет. Из всех упомянутых в этом пассаже литераторов (Ф. Сологуб, Волинский, Шишковы, Ремизовы, Замятины) дружеские отношения связывали ее лишь с последними¹⁹; вполне возможно, что фамилия Ремизова появляется в этом ряду в известной мере по ассоциации: Даманская дружила с Замятиными, а Замятин входил в ремизовский круг²⁰.

Ни разу не упоминает мемуаристка и о Серафиме Павловне, без которой ни бытийного, ни мемуарного Ремизова почти невозможно себе представить. Хотя на известие о смерти Серафимы Павловны Даманская откликнулась и отправила Ремизову соболезнующее письмо – его ответ от 1 июня 1943 г. сохранился в ее собрании. Кроме благодарности за выраженное соболезнование, там есть замечательная фраза: «Мы с вами одного гонорара, что-то около 90 сант[имов] строчка»²¹. Может быть, для остро ощущавшего свое одиночество («осиротевшего» после смерти жены) Ремизова эта фраза была в некотором смысле попыткой человеческого сближения с корреспонденткой, объединения ее и себя в рамках единого круга, более узкого, чем круг сугубо профессиональный. Однако Даманская на этот посыл не откликнулась, и Ремизов остался для нее только собратом по писательскому цеху, оказавшимся, как и она, до конца жизни изгнанником.

Вместе с тем, Даманская видела в Ремизове главное – или то, что ей представлялось таковым: его своеобычность, непохожесть ни на кого из современных авторов, его неразрывную связь с русской фольклорной и литературной традицией, вполне традиционно ею понятыми. В соответствии со своим пониманием фено-

¹⁸ BAR. Ms Damanskaia. Box 1. Catalogued correspondence. Aldanov; письмо от 27 марта 1956 г.

¹⁹ См. ее некрологические статьи «Смерть Е.И. Замятина» („Сегодня”, Рига, 1937, 14 марта) и «Встречи с Е.И. Замятиным» (там же, 1937, 28 марта); Замятину была посвящена повесть Даманской *Вода не идет*.

²⁰ Подробнее см. в: А.М. Грачева, *Алексей Ремизов – читатель романа Е. Замятина «Мы»*, [в]: *Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня*: Науч. доклады, ст., очерки, заметки, тезисы. В 6 кн. Под ред. Л.В. Поляковой, Тамбов 1997, кн. 5, с. 6-21; она же, *К вопросу о литературном контексте романа «Мы» и статьи «Рай» Е.И. Замятина («конспекты» апокрифов А. Ремизова: топография рая и ада)*, [в]: *Евгений Замятин и культура XX века*, Санкт-Петербург 2002, с. 141-155; Е. Обатнина, *Царь Асыка и его подданные...* (разд. «Синклит Обезвелволпала»).

²¹ BAR. MS Damanskaia. Box 1. Remizov.

мена Ремизова-писателя она отзывалась о его книгах (ср., напр., его ответ на ее статью об *Огне вещей*: «Очень Вам благодарен за Ваш отзыв о Огне Вещей [так! – О.Д.]. Это первый отклик на книгу. Больше нигде не было, – верю – и не будет: стесняются. Вы сказали все: и о сне и о предсоньи, чему я придаю большое значение. Вы меня назвали высоким именем сказочника»²²). Представление о Ремизове-писателе экстраполировалось на видение Ремизова-человека, и этот образ нашел воплощение в ее воспоминаниях.

Summary

A. Remizov in A. Damanskaya's memoirs

The paper deals with the way Alexei Remizov is presented in the memoirs by Avgusta Damanskaya written in the late 1950s for the Archive of Russian and East-European Archive of History and Culture at Columbia University. The author belonged to the same literary community both in Russia and in emigration as Remizov, but to a somewhat different parts of it, so her acquaintance with Remizov was not too intimate and in her text she 'constructed' his image relying mostly on the general knowledge rather than on her personal impressions. Anyway, the memoir on the whole and Remizov's image in it in particular contribute to understanding of the authors literary techniques and her vision of the period and the milieu to which she belonged.

Key words: *emigration, memoirs, image, memory, fact, culture, cultural, time and event chronology, contamination, adaptation*

²² Письмо Ремизова Даманской от 13/31 1954 (так! – О.Д.); диктовано Ремизовым Наталье Резниковой в: *там же*.